

Method of Freedom.

Задушить анархизм: инцидент Амакасу и другие репрессии против анархистов Японии

25 октября, 2025. Источник: [здесь](#).

Автор: Method of Freedom

Перевод: Akrateia's friend

«Статья посвящена инциденту Амакасу — громком убийству анархистов Ито Ноэ, Осуги Сакаэ и их шестилетнего племянника, совершенном лейтенантом полиции Амакасу Масахико во время Великого землетрясения в Канто.

Токио, 1 сентября 1923 г. — Землетрясение небывалой силы подрывает основы политической и социальной жизни Японии. Толчки, удары и огненное облако, охватившее город, уносят тысячи жизней; еще больше людей гибнет от рук реакционной толпы, расправляющейся с иностранцами, работающей беднотой и политическими диссидентами. Спустя несколько недель, когда суматоха улеглась, и город медленно приходил в себя, в заброшенном колодце были обнаружены тела Ито Ноэ, Осуги Сакаэ и их шестилетнего племянника Татибана Мунекадзу, обнаженные, но завернутые в циновки татами. Власти начинают расследование их гибели и быстро привлекают к суду молодого лейтенанта. Хотя Ито, Суги и Татибана не были виновны ни в каких преступлениях, они были арестованы и убиты правительственной бандой без суда и следствия во время хаоса, наступившего после Великого землетрясения в Канто. Как ни странно, ответственность за убийства была возложена только на двух человек: лейтенанта Амакасу Масахико и его подчиненного Камосиду. Исследование этого преступления, позднее получившего название «Инцидент Амакасу», может помочь в анализе государственных репрессий в более широком смысле.

Томас А. Стэнли, чья биография Осуги — одна из немногих книг о жизни выдающегося японского анархиста, вышедших на английском языке и единственная, освещающая последние годы его жизни, предлагает нам рассматривать смерть Осуги как «всего лишь заметку на полях историического периода, поскольку она ничего не говорит нам о политическом строе или о работе правительства». Мы не согласны с такой интерпретацией, поскольку, несмотря на то, что убийство было совершено лично Амакасу и его сообщниками, а значит, было единичным и неповторяемым, этот конкретный случай является сигналом более масштабных тенденций в японской политике. Инцидент Амакасу стал знаменем времени. Международные информационные агентства сообщали об этом деле, последующие судебные процессы и карательные акции имели серьезные последствия для японской политической культуры, и это свидетельствует о работе системных репрессий против анархистов, радикалов и маргинализированного населения Японии.

Стэнли признает, что существуют косвенные улики, указывающие на бюрократический заговор с целью убийства Осуги, хотя и отмечает, что нет никаких конкретных доказательств связывающих с этим кого-либо, стоящего выше Амакасу. Мы приведем доводы в пользу этой версии, но предполагаем, что теория заговора, вероятно, и в самом делене имеет смысла. Говоря словами Эдриенн Кэри-Хёрли, возможно, нам следует рассматривать убийство Осуги если не санкционированное государством, то, по крайней мере, полезное ему. Такая точка зрения требует от нас рассмотрения системных форм репрессий, действовавших в японском обществе того времени. Наше историографическое понимание Японии в период между принятием Конституции Японской империи (Мэйдзи) в 1890 году и различными политическими фазами и императорскими правлениями, которые формировали Японию вплоть до окончания Тихоокеанской войны, показывает множество великих и фундаментальных изменений. Однако лишь изредка подчеркивается преемственность между политическими установками Конституции Мэйдзи и тоталитаризмом ранней Японии Сёва (1926-1945). В этом эссе мы утверждаем, что критический анализ инцидента Амакасу позволяет предположить, что тоталитаризм не обязательно был отрицанием демократии в Японии, но, с точки зрения подавления инакомыслия, он был продолжением процессов, начатых строительством современного демократического государства и продолженных политикой Тайсё.

Великое землетрясение Канто

Прежде чем разбирать эти утверждения, стоит вспомнить обстоятельства инцидента Амакасу, произошедшего в сентябре 1923 года. На момент написания этих строк Япония и весь мир приходят в себя после землетрясения магнитудой 9,0 в регионе Тохоку, которое произошло на северо-востоке Японии 11 марта 2011 года. Но за 78 лет до катастрофы в Тохоку другое сильнейшее землетрясение потрясло основы Токио, Йокогамы и всей политической жизни Японии в конце 1923 года.

1 сентября 1923 года Великое землетрясение Канто сотрясло регион, где расположены Токио и Йокогама. Это было катастрофическое событие, не только разрушившее тысячи домов самим ударом стихии, но и породившее цунами, разломы и смертельные оползни. Самые страшные силы в этой катастрофе были человеческого происхождения: пожары и террор. В отличие от 2011 года, в 1923 году большинство японских домов строилось из легковоспламеняющихся материалов, а пищу готовили на угле внутри помещения. Землетрясение в Канто произошло в 11:48 утра, когда люди готовили обед на маленьких угольных жаровнях, которые стали опрокидываться прямо в домах. Пламя распространилось по городу за считанные часы. Всего было зафиксировано 187 крупных пожаров, уничтоживших более полумиллиона домов и ставших причиной огромного числа погибших — по первоначальным данным, 91 000 человек. Ещё 13 000 числились пропавшими без вести, а более 100 000 получили ранения.

Линии связи по всему региону были нарушены, и многие запаниковали. В разгар бедствия анархисты, как и все остальные, искали спасения. Опасаясь за близких и стремясь избежать пожаров в городе, Осуги и Ито (оба были молодыми родителями: ему было 38 лет, ей — 28) отправились в пригороды Токио навестить семью. Там они нашли Мако, шестилетнюю дочь Осуги, в доме анархиста-поэта Ясунари Дзиро, при этом девочка была настолько напугана землетрясением, что с криками выбежала на улицу и её пришлось возвращать в безопасное место. Они также стали присматривать за племянником Осуги — мальчиком, родившимся в Портленде, штат Орегон, и, следовательно, гражданином США (этот факт сыграет роль во

время суда над Амакасу). Но в отличие от многих других напуганных родителей Токио, у анархистов не было привилегии безопасности. Уже через несколько дней поползли слухи о том, что анархисты и социалисты объединились с недовольными корейцами и, воспользовавшись ситуацией, грабят и разрушают город.

Убийства в тени катастрофы

Опасаясь худшего, на следующий день после землетрясения власти сформировали «трансцендентный» (читай: диктаторский) кабинет для управления кризисом. Ямамото Гоннохёэ, который был назначен премьер-министром только в день землетрясения, попытался компенсировать недостаток подготовки правительства, отреагировав на катастрофу крайне жёстко. Он обратился к императору с просьбой объявить в горящем городе военное положение. Главой города назначили генерала-националиста Фукуду Масатаро. Тысячи полицейских, включая печально известную «кэмпэйтэй», военную полицию, были развернуты в специальные бригады. Деспотичная власть, установленная ими над полуразрушенным городом, погрузила политическую жизнь Японии в удушливую атмосферу репрессий, и была подобна землетрясению, которое сравняло с землёй Токио и Йокогаму. Уже к третьему сентября сотни анархистов, социалистов и синдикалистов оказались в токийской тюрьме.

В свою очередь, наводили военный «порядок» и отряды вигилантов. Подогреваемые параноидальными слухами о поджогах, которые якобы устраивали социалисты и корейцы, толпы линчевателей выслеживали и убивали тысячи представителей этих меньшинств. Насилие против корейцев не ограничивалось Токио и Йокогамой, но, по сообщениям, распространилось и на префектуру Сайтама. Реакционное поведение повлияло и на власти. Многие полицейские, несомненно, были причастны к расправе над корейцами, хотя официальная позиция правительства по этому вопросу заключалась в том, чтобы вигиланты проявляли сдержанность. Некоторые убийцы из отрядов линчевателей и сами оказались убиты полицией. Тем не менее, в одном лишь полицейском участке Камейдо за неделю после землетрясения было казнено примерно столько же ни в чём не повинных рабочих лидеров, сколько и убийц. Убийство в полицейском участке — это судьба, которая, возможно, постигла многих анархистов, исчезнувших при загадочных обстоятельствах. Одним из таких активистов был Ёсимура Отоя, один из анархистов, принявших Осуги после возвращения из Европы в мае.

Полиция систематически охотилась на анархистов вроде Ёсимуры, Осуги и Ито. Был распространён список с именами всех видных социалистов. Один особенно рьяный офицер кэмпэйтэй, Амакасу Масахито, с фанатичным усердием взялся за «патриотическую миссию» по уничтожению анархистов. Амакасу особенно тревожили «опасные мысли», и он решил добавить имена Осуги, Ито и других в список для облавы, который затем снова распространил. Амакасу ещё до землетрясения был подготовленным «менеджером геноцида» и твёрдо придерживался мнения, что анархисты, как и корейцы или профсоюзные организаторы — это группы, подлежащие уничтожению. Примечательно, что, как и Осуги, он был выпускником Нагойской кадетской школы — военного учебного заведения. Но если Осуги, сын офицера, отверг насаждаемую кадетам националистическую идеологию, то Амакасу сделал карьеру, защищая интересы государства любой ценой.

Именно 16 сентября — немногим больше чем через две недели после катастрофы — они наконец встретились. Осуги находился в Японии всего два месяца до землетрясения. В начале года он путешествовал по Европе по приглашению берлинских анархистов. Добраться до Германии к Международному анархистскому конгрессу он не успел, но поездка всё же оказалась насыщенной. Во Франции он участвовал в первомайской демонстрации в северном пригороде Парижа Сен-Дени, где даже произнёс речь. Этот поступок сразу привлёк внимание властей: его арестовали, а в течение последующих месяцев выслали в Японию. Зная, что Осуги недавно вернулся, Амакасу сделал его поимку приоритетной задачей после землетрясения. Он послал шпионов выследить Осуги и его семью, а когда нашёл их, то перехватил и похитил по пути к родственникам.

В самом подробном из ужасных отчётов мы узнаём, что после того, как в полицейском участке Камэидо их развели по отдельным камерам и привязали к стульям, Амакасу собственноручно задушил всех троих. Он ходил из камеры в камеру: сначала быстро задушил Осуги, затем зашёл к Ноэ. Возможно, Амакасу был знаком с её сочинениями (в одном эссе она описывала своё идеальное общество как «общество, которому не нужны ни полицейские участки, ни полицейские патрули»), поскольку первым делом спросил её, считает ли она полицию ненужной. Но прежде чем Ноэ закончила свой уклончивый ответ («у людей могут быть разные мнения по самым разным вопросам»), он набросился на неё,

прервав её слова удушающей хваткой. Маленький Татибана, напуганный — ведь он наверняка слышал предсмертные мучения своей семьи — был убит последним. На суде Амакасу объяснял свои действия «патриотическими мотивами». Это объяснение, к сожалению, могло обеспечить ему определённое снисхождение (Аллен сообщает, что в то время бандитам и преступникам нередко смягчали приговоры, если они ссылались на патриотизм как мотив своих преступлений), но суд всё же признал его виновным, и 8 декабря 1923 года он был приговорён к десяти годам тюремного заключения.

Структура и эпифеномен репрессий

Хотя Стэнли и другие не проводят такую связь, японским анархистам того времени было очевидно, что в деле были замешаны более крупные силы. В документе, подписанном «Анархистами Токио» и распространённом на эсперанто среди международных радикальных кругов, само государство обвинялось в заговоре с целью убийства анархистов. Согласно анализу, представленному на страницах этого документа, Амакасу отводилась роль «козла отпущения» в гораздо более сложной схеме. Токийские анархисты сомневались, что Амакасу действовал в одиночку и был движим патриотизмом. Напротив, они утверждали, что он был соучастником «системного заговора японского правительства», в рамках которого государство не только направляло подготовленных профессионалов для убийства анархистов, но и подогревало толпы добровольцев слухами о грабежах и поджогах, приписываемых анархистам, разрешая использовать оружие — мечи, ружья и бамбуковые копья. В подтверждение приводилось убийство десяти анархо-синдикалистов 3 сентября. Тогда секретарь синдикалистского союза К. Хирасана и его товарищи были похищены и доставлены в участок Камэидо. Попав в тяжёлую ситуацию, рабочие в камерах стали петь революционные песни. Тогда полиция, сославшись на «статью 12 гарнизонного устава» — туманное постановление, которое арестованные якобы нарушили, — заколола их штыками, а тела сожгла вместе с сотнями корейцев, которых постигла та же судьба. Сотни других анархистов были заключены в переполненные камеры, ещё больше оказались фактически под домашним арестом из-за постоянного полицейского надзора за их домами. Подобные действия явно указывали на организованную кампанию репрессий — стихийную или заранее продуманную.

Что касается самого инцидента Амакасу, то часть своего анализа анархисты Токио основывали на тех материалах, которые стали известны во время суда. Защита Амакасу строилась на его «патриотической мотивации». Анархисты раскусили этот ход: «Ибо если он совершил преступление по собственной воле, то ему незачем было сопровождать Осуги в официальное жандармское управление, а правительству — увольнять командиров». Были и другие нестыковки: если Амакасу действительно гордился своим «патриотическим» поступком и его националистическая гордость не была лишь спектаклем для суда, ему не нужно было бы скрывать преступление, избавляясь от тел. Более того, на первом заседании суда Амакасу признался, что другие офицеры кэмпэйти, руководившие полицейскими участками возле мест проживания анархистов, сообщили ему о местонахождении Осуги и Ито. Они, якобы, намеревались использовать введённое военное положение как возможность для убийства Осуги.

При таком количестве противоречивых сведений и дезинформации установить истинность (или неистинность) заговора, пожалуй, невозможно. Но определённые факты делают его вероятным. Так, Амакасу, получивший и без того лёгкий приговор, был освобождён уже через три года. Более того, он был восстановлен в армии и получил должность в японской оккупационной администрации в Маньчжурии. Кроме того, нельзя забывать о долгой и трагической истории государственных репрессии против анархистов Японии. Товарищи Осуги хорошо знали о его постоянных столкновениях с законом, а также о мрачном наследии «дела о государственной измене». Так называемые «зимние годы» (фую но дзидай) японского социализма только начинали оттаивать в 1923 году, чтобы вскоре вновь смениться почти полным прекращением открытой анархистской деятельности.

Предвестие «зимних лет» появилось ещё в 1908 году, когда Осуги и других арестовали за демонстрацию с красными флагами и коммунистическими лозунгами в честь освобождения товарища. Затем в 1910–1911 годах по делу о «государственной измене» были арестованы и казнены двенадцать человек, включая Котоку Сюсю, анархо-феминистку Канно Сугако и буддийского анархиста Утияму Гудо, за неосуществлённый заговор с целью убийства императора Мэйдзи. По крайней мере в случае с Котоку это было вопиющее судебное беззаконие: впоследствии обнаруженное секретное письмо Канно Сугако его стороннику

оправдывало Котоку, подтверждая его непричастность. Но его, тем не менее, устранили — за свои открыто радикальные убеждения, а не за участие в заговоре с целью убийства. Перед казнью государство попыталось изъять из оборота все его публикации, которые оно обвинило в распространении «опасных идей». Тиражи анархистской газеты Хэймин симбун были конфискованы и уничтожены после публикации перевода «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Другие издания были запрещены, в том числе журнал Котоку и Канно, иронично озаглавленный Дзю сисо («Свободная мысль»).

Подобно Котоку, Осуги вскоре понял, что быть самым известным анархистом Японии — опасная честь. Лишь через два года после выхода из тюрьмы он смог возобновить активное издательство, но с того момента непрерывно писал и редактировал анархистские тексты до самой своей смерти. Среди его изданий — Киндай сисо («Современная мысль»), Хэймин симбун («Ежедневник простого народа»), Буммэй хихё («Критика цивилизации»), Родо симбун («Трудовые новости») и Родо ундо («Рабочее движение»). Все эти издания выпускались тайно, а в случае с Киндай сисо и Родо ундо выпуск неоднократно прерывался из-за вмешательства властей. Всё это время Осуги старался избегать прямого конфликта с законом, но, например, в 1919 году его арестовали прямо во время речи на профсоюзном митинге.

Как отмечалось выше, от политических репрессий страдали не только анархисты. Британский профессор Г. К. Аллен, живший и писавший о Японии в эпоху Тайсё, был потрясён «чрезвычайными полномочиями полиции», хотя он вовсе не был сторонником радикалов. Все, включая «респектабельных» граждан, писал он, жили в страхе перед грязным и произвольным контролем «защитников народа», которые становились их тиранами. Даже в период демократического правления власти сохраняли тоталитарный контроль над повседневной жизнью. Они цензурировали любую прессу, каждое публичное собрание требовало их разрешения, они проверяли предприятия и дома, а также контролировали «общественную мораль» во имя императора.

Помимо упомянутых примеров, репрессии против анархизма имели последствия как для самих анархистов, так и для их сторонников. В 1910 году Акаба Хадзимэ, автор антикапиталистической брошюры о сельском коммунизме «Евангелие крестьянина», был арестован за случайное упоминание императора в критическом ключе. Он умер в тюрьме после продолжительной голодовки. Затем в 1920 году профессор Токийского университета Тацуо Морито был уволен за публикацию статьи, в которой описывал идеи Петра Кропоткина, хотя он намеревался подвергнуть их критике (произведения Кропоткина были запрещены).

Для менее известных анархистов государственная политика делала любую организационную деятельность крайне сложной. Анархистские и иные оппозиционные идеи были объявлены неконституционными в соответствии с конституцией 1889 года. Ещё раньше, в 1874 году, полицейская система Японии была подчинена Министерству внутренних дел. Её задачей было использование полиции как инструмента ментального и культурного контроля, подкреплённого смертоносной силой. Длинный ряд репрессивных «законов о сохранении мира» начал вводиться с 1894 года, затем был расширен «Законом о полиции и общественном порядке» 1900 года и завершился «Законом о сохранении мира»

1925 года. Статья 17 закона 1900 года особенно ударила по рабочему движению, фактически запрещая любую коллективную активность на рабочих местах. После «дела о государственной измене» стало нормой, что анархистов постоянно контролировала полиция, которая имела право задерживать активистов без всякой причины и ордера.

Для инакомыслящих в Японии начала XX века повседневная жизнь была настоящим полем боя. Как отмечает Стивен Филлер, тема репрессий занимала важное место и в литературных произведениях анархистов. В одном из рассказов Кансон Арахаты, опубликованном в Киндай сисо, дана реалистическая картина последствий репрессий для анархистов:

«С тех пор преследования социалистов становились всё более суровыми, и одного за другим товарищей бросали в тюрьму. Все виды свободы были ограничены: выражения, собраний и публикаций. Они теряли работу, их изгоняли из домов, отвергали друзья и знакомые, а продажные газетчики непрерывно выставляли их объектом насмешек. Товарищ, который умер в одиночестве в тюрьме Тиба, не обменявшись ни словом с охранником! Товарищ, который, выйдя из тюрьмы, отправился в новую страну, но там сошёл с ума и покончил с собой! ...все наши товарищи дошли до предела изнеможения...».

И вновь это указывает на системные репрессии, но не является прямым доказательством заговора. Тем не менее, полностью отрицать существование заговора означало бы идти против общего мнения того времени. Обвинительный акт в адрес государства, составленный токийскими анархистами, получил широкое распространение. После убийства Осуги один его товарищ писал: «В Японии было две или три тысячи человек, поклявшихся отомстить кровью». Даже националистические комментаторы были поражены тем, что убийства явно указывали на необычайную вовлечённость военных. Современному читателю почти невозможно представить, что журнал Time, олицетворяющий мейнстрим, мог защищать «чистоту» анархиста от гнусной и отвратительной полиции, но именно там Амакасу был представлен как националистический «буйный фанатик», стремящийся к военному контролю над страной, тогда как Осуги изображался как достойный сочувствия «узник с интернационалистскими взглядами. К вопросу о политическом климате мы ещё вернёмся, но сначала рассмотрим действия анархистов, направленные против государства,

чтобы углубить аргумент о том, что государство было по сути враждебным к анархистам.

«ЖИЗНЬ — ЭТО МЕСТЬ»

Из упомянутых выше «двух или трёх тысяч» японских радикалов некоторые были настолько убеждены в необходимости возмездия, что решили вершить правосудие собственными руками. В журнале Бумей Хихьё (Критическое обозрение цивилизации), который Осуги и Ито редактировали в 1917–1918 годах, Осуги писал: «В конце концов, жизнь — это месть... Жить — значит постоянно мстить тем, кто стоит на пути твоей жизни и развития». Воспринимая утверждение Осуги, что «жизнь — это месть», в самом прямом смысле, некоторые анархисты ответили на государственную несправедливость столь же насильственными мерами.

Одним из наиболее заметных актов насильственного восстания против государства стало покушение, произошедшее позднее в том же году, когда стали известны детали репрессий. Молодой коммунист Нанба Дайсукэ (сын депутата парламента) решил отомстить за государственную жестокость, попытавшись убить императора. Его миссия провалилась, и он был казнён. В другой неудавшейся попытке бросить вызов привычному политическому порядку Вада Кютаро напал на генерала Масатаро Фукуду, коменданта военного положения в Токио, в годовщину смерти Осуги. Вада зарядил свой пистолет одним холостым и пятью боевыми патронами. Он выстрелил лишь холостым, но гильза, попавшая в левое плечо генерала, всё же ранила его. Полиция задержала Ваду и арестовала ещё семерых социалистов, включая сотрудника Родо ундо и ветерана «Инцидента с красным флагом» Мураки Гэндзио, а также Дайдзио Фуруту, «террориста с большим сердцем», связанного с заговором. Вада был приговорён к пожизненному заключению без права на помилование за своё покушение, — а по-сути, политический перформанс, — резкий контраст с тремя годами, которые получил Амакэсу за тройное убийство.

Нападение на Фукуду не имело бы смысла для анархистов, если бы они не считали его в какой-то мере причастным к преступлению Амакэсу. И количество покушений на его жизнь само по себе свидетельствует об их глубокой убеждённости. Вскоре после инсценированного покушения Вады в доме Фукуды взорвалась бомба, отправленная по почте в виде бандероли, хотя никто не пострадал. Несмотря на то, что Вада не ставил убийство целью своей первой атаки, он всё же ясно дал понять полиции, что Фукуда будет привлечён к ответу за смерть Осуги. Как и в случае с почтовой бомбой, другие анархисты пытались выполнить угрозу Вады. Третье покушение на Фукуду произошло в токийском ресторане 24 мая 1925 года. Нападавший выстрелил через окно, но промахнулся — и смог ускользнуть с места преступления.

«Общество гильотины», основанное в 1922 году Томионкой Макото (Накахама Тэцу), Дайдзио Фурутой, Ямадзакки Сёдзио и Мураки Гэндзио, развернуло кампанию политических бомбовых атак в течение нескольких месяцев после смерти Осуги, частично финансируемую серией удачных ограблений банков. Пятеро из них были приговорены к смертной казни в апреле 1925 года. Томионка был казнён в 1926 году за участие в заговоре с целью убить императора Хирохито.

Каково было реальное влияние кровопролития на репрессивную систему, мы, возможно, никогда не узнаем, однако оно не принесло анархистам особых успехов в борьбе за общественное мнение. (Хотя, если бы им удалось убить императора Хирохито, история всего XX века, вероятно, сложилась бы иначе — и, возможно, к лучшему.) Несомненно, для одних такие дерзкие риски во имя свободы служили вдохновением; для большинства же эти покушения лишь укрепляли популярный стереотип об анархистах, как склонных к жестокости идеалистах.

Пропаганда действием не принесла желаемых результатов, и, к несчастью, за ней последовали ответные меры реакционеров. 17 декабря 1923 года, в день поминальной службы Осуги, трое членов Антисоциалистической лиги похитили прах Осуги из офиса анархистской группы. Согласно сообщениям, трое мужчин явились, переодевшись в скорбящих, чтобы «отдать дань уважения» Осуги. Но как только они вошли в комнату, где хранились останки, один из них выхватил пистолет и начал стрелять по присутствующим. В наступившей суматохе они забрали урну, добрались до своего автомобиля и скрылись.

Наследие и преемственность

Несмотря на резкие перемены — в частности, американскую оккупацию и разработанную американцами новую конституцию Японии, — между государственными формами Тайсё и современной Японией существуют некоторые преемственные связи. Мы видим историю длительных репрессий против диссидентов. Во время саммита G8 в Японии в 2008 году на подавление протестов было выделено 15,5 миллиарда иен. Активисты были заранее заключены в тюрьму, а их местожительство контролировалось. На момент написания статьи государство даже ведет дело трехлетней давности против трех человек, которые просто отправились на «прогулку по реальности», чтобы посмотреть, где живет социальная элита Токио.

Левые наблюдатели время от времени отмечают, как катастрофы, кризисы и беспорядки (от землетрясения до крупного мирового саммита) могут быть использованы властной элитой в

своих интересах. Рискую сделать наивный трансисторический аргумент о власти, мы можем даже сказать, что элита всегда пытается (весьма оперативно) использовать катастрофу. Некоторые идут дальше и утверждают, что кризис — это неотъемлемая часть операционной процедуры этатизма и капитализма. Кратко сравнивая гибель корейцев и анархистов, мы можем выявить отдельные процессы, один из которых подчеркивает этот анализ. Судя по всему, убийство корейцев было просто неудачным следствием народного недовольства, а государство лишь потворствовало этому кровопролитию в той мере, в какой оно позволяло управлять толпой. Инцидент Амакасу, однако, имеет и другие особенности. Как говорит Соня Рян: «В то время как японские социалисты и анархисты рассматривались властями как элементы, которые необходимо в том или ином смысле устранять, то корейцы воспринимались как люди, которых можно попросту убивать». В этой главе мы рассмотрели, как государство реагировало на чрезвычайные обстоятельства. В инциденте Амакасу мы видим далеко не единичный случай, а работу государства по подавлению инакомыслия и устранению оппозиции — свидетельство, которое придает вес определению государства как репрессивного аппарата.

В случае с землетрясением в Канто чрезвычайные обстоятельства послужили тем поводом для репрессий — активного преследования левых и меньшинств, — который отсутствовал при «естественном» ходе вещей. Возникает вопрос: «Как государство может легитимировать себя, если чрезвычайные обстоятельства являются частью естественного мира?» Если диктатура может быть оправдана в рамках демократической политики, не должны ли мы активно сомневаться в мотивах государства? Анархисты, размышлявшие над этим вопросом, пришли к пониманию естественного хода вещей как состояния постоянной войны. Как сказал Фуко, «Репрессия является не чем иным, как приведением в действие вечных силовых отношений внутри того псевдомира, который представляет собой просто результат непрерывной войны». В Японии начала XX века мы видим, как этот псевдомир трещал по швам.

Но как псевдомир не был полностью подорван непрерывной войной против инакомыслия? Гегемонистские властные отношения имеют тенденцию обладать протоколом для выпуска мятежного пара, с разной степенью формальности. Фуко, описывая функции государства в европейском контексте, обращает внимание на то, как с XVII века «полиция» стала «обозначать набор средств, с помощью которых можно увеличить силы государства, сохраняя его порядок». Иными словами, полицейская деятельность — это активное расширение статуса-кво. Вернее, расширение определенного статуса-кво, который представляет собой государство. Но если Фуко сосредоточился на том, как статистика и другие формы знания использовались для полицейского воздействия на общество, то в Японии государство, адаптировавшее современное европейское государственное устройство к собственным условиям в период Реставрации Мэйдзи, интерпретировало роль полиции как проактивную силу идеологического и физического вмешательства. В этом свете можно предположить, что японский империализм (как и фашизм в Европе) был продолжением репрессивных принципов, которые в меньшей степени действуют и при демократии.

Эпилог

Убийства, формально запятнавшие послужной список генерала Амакасу, не помешали ему и дальше служить государству. Вскоре после смягчения приговора он был направлен в японское марионеточное государство Маньчжоу-го, где приобрел ещё большую известность, управляя полицейскими силами в новой столице Чанчунь. Позже он стал главой Киноассоциации Маньчжоу-го, пропагандистского органа Японской Империи в этой псевдоколонии. Существуют даже свидетельства того, что правые ультранационалисты фактически финансировали Амакасу в заговоре со взрывом, который стал известен как Мукденский инцидент. В том, что именно такой фанатик геноцида, как Амакасу, получил должность директора по культуре японского империализма, есть мрачная ирония. Это можно списать на фашистское безумие, темпорально и исторически отделённое от современности.

С одной стороны, с генералом Амакасу можно было бы покончить: он свёл счёты с жизнью, проглотив таблетку цианида в 1945 году, когда советские войска прорывали маньчжурскую границу. Позже, в том же году, разработанная американцами конституция после 45-го года отменила кэмпэй. Но, с другой стороны, природа государственных репрессий не так уж сильно изменилась с 1923 года. Может быть, изменились фигуры и политика правительства (и эти изменения, возможно, являются улучшением), но до тех пор, пока существует репрессивный статус-кво, поддерживаемый силой, будут существовать анархисты и антиавторитаристы, борющиеся за более справедливую и свободную форму общественных отношений.

Библиография

Allen, G. C. *Japan: The Hungry Guest*. New York: E. P. Dutton & Co., Inc., 1938.

Crump, John. "The Anarchist Movement in Japan." Anarchist Federation. 2008.
<http://www.afed.org.uk/ace/japan.html> (accessed January 2011).

D., R. Furuta, Daijiro. June 18, 2007. <http://militants-anarchistes.info/spip.php?article1880&lang=fr>
(accessed March 2011).

Filler, Stephen. "Chaos from Order: Anarchy and Anarchism in Modern Japanese Fiction, 1900-1930." PhD diss., The Ohio State University, 2004.

Foucault, Michel. *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977-78*. New York: Picador, 2009.

—. *Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975-76*. New York: Picador, 2003.

Garon, Sheldon. *The State and Labor in Modern Japan*. Berkeley: University of California Press, 1987.

Hane, Mikiso. *Reflections on the Way to the Gallows: Rebel Women in Prewar Japan*. Berkeley: University of California Press, 1993.

Jansen, Marius B. *The Making of Modern Japan*. Cambridge: Harvard University Press, 2002.

Koschmann, J. Victor. *Murder of an Anarchist Recalled: Suppression of News in the Wake of the 1923 Tokyo Earthquake*. November 5, 2007. http://www.japanfocus.org/-The_Asahi_Shinbun_Cultural_Research_Center-/2569 (accessed February 2011).

Libero International. "Bakunin and Japan." September 1978.

Ōsugi, Sakae. *The Autobiography of Ōsugi Sakae*. Translated by Byron K. Marshall. Berkeley: University of California Press, 1992.

Reality Tour Support Campaign. "Suppression Report". 2008. <http://www42.atwiki.jp/asoudetekoiq/pages/535.html> (accessed February 2011).

Reischauer, Robert. *Japan: Government—Politics*. Vol. 1939. New York: Ronald Press.

Ryang, Sonia. "The Tongue That Divided Life and Death. The 1923 Tokyo Earthquake and the Massacre of Koreans." *Japan Focus*. September 3, 2007. <http://japanfocus.org/-Sonia-Ryang/2513> (accessed March 2011).

Saffell, John. "Japan's Post-War Socialist Party." *The American Political Science Review* 42, no. 5 (October 1, 1948): 957-969.

Stanley, Thomas. *Ōsugi Sakae, Anarchist in Taishō Japan: The Creativity of the Ego*. Cambridge: Harvard University Press, 1982.

Takeda, Yoshitaka. "Hidden for 100 Years: Kanno's Secret Message from Prison." *PM Press*. 2010. <http://www.pmpress.org/content/article.php/20100130162821568> (accessed February 2011).

Time. "Japan: Honorable Amakasu." September 5, 1938.

The Nation. "The Japanese Massacres." January 16, 1924: 70-72.

The New York Times. "Arrest Tokio Socialists." July 27, 1919: 25.

The New York Times. "Tokio Socialists Aroused." December 18, 1923: 33.

The New York Times. "Third Attempt Made to Kill Gen. Fukuda." May 25, 1925: 3.

The Sydney Morning Herald. "Japanese General Attacked by Socialist." September 3, 1924.

Tsuzuki, Chushichi. "Kotoky, Osugi, and Japanese Anarchism." *Hitotsubashi Journal of Social Sciences*, March 1966: 30-42.

United Anarchists of Tokyo. "A call from our Japanese comrades [1923]." Kate Sharpley Library. 2003. <http://www.katesharpleylibrary.net/2fqzm3> (accessed March 2011).

Young, Arthur. Japan in Recent Times, 1912-1926. Greenwood Press, 1973.

Оригинал текста: <https://libcom.org/article/how-strangle-anarchists>

Оформление: кадры из фильма «Пак Ёль: Анархист из колонии», реж. Ли Джун-ик, 2017

(фильм основан на событиях, описываемых в статье)

Оригинал текста:

<https://libcom.org/article/how-strangle-anarchists>

Версия #3

██████████ ██████████ создал 18 ноября 2025 14:24:31

██████████ ██████████ обновил 18 ноября 2025 14:44:20